Глава 669: Академия

Ворота Ортодоксальной Академии были крепко закрыты все это время, и изнутри не было слышно никакого шума. Даже когда войска Имперского Двора окружили ее или старый евнух прибыл, неся имперский указ, ничего не изменилось. Она оставалась спокойным и тихим местом. Любой мог подумать, что за этой толстой стеной академии никого не было.

В действительности же за воротами Ортодоксальной Академии всегда были люди.

За воротами академии было посажено два тополя. С приходом осени листьев на этих двух деревьях стало гораздо меньше. Ясный и холодный свет от солнца проходил через ветви и падал на лицо юной девушки.

У этой девушки был прекрасный и элегантный внешний вид, но он все еще был наполнен чувством детства. Она все еще была очень юной и под солнечным светом казалась еще более очаровательной. Однако опасение и истощение на ее лице стали более заметными.

Е Сяолянь, ученица внутренней секты Храма Южного Ручья.

Су Моюй стоял рядом с ней.

Несколько десятков учениц Храма Южного Ручья стояло за этой парой.

Их мечи уже давным-давно были обнажены.

Ясный осенний солнечный свет мог падать на их лица, но не мог пасть на их мечи, потому что эти мечи были слишком острыми, а их сияния - слишком яркими.

Они все это время стояли на страже за вратами Ортодоксальной Академии.

Массив мечей Храма Южного Ручья уже охранял это место три дня и три ночи.

В настоящее время ученицы Храма Южного Ручья были невероятно уставшими. Когда из-за стен послышались голоса, их лица начали меняться в выражении.

Черная тяжелая кавалерия Великой Чжоу была несравненной в мире. Если они вот так ворвутся внутрь, даже массив мечей Храма Южного Ручья не сможет выстоять.

«Что мы будем делать?» - Е Сяолянь повернулась к Су Моюй, а ее элегантное лицо покрылось беспокойством.

Су Моюй повернул голову в направлении библиотеки, думая о том парне, который оставался неразговорчивым с тех пор, как вернулся из Мавзолея Книг, который все еще не принял решение.

«Это Евнух Линь! О чем вы все еще думаете! Просто откройте врата академии и примите указ».

Студент Ортодоксальной Академии посмотрел на людей перед вратами академии, его лицо было картиной ужаса, когда он закричал: «Не говорите мне, что вы действительно планируете бросить вызов указу. Я определенно не планирую сопровождать вас всех в смерти!»

Услышав слова этого человека, толпа учителей и студентов стала довольно беспокойной. Можно было услышать разговоры, и кто-то даже вступил в разъяренный спор.

Су Моюй посмотрел на студента и вспомнил, что он был студентом какого-то богатого торговца на Дороге Хэнань. Он молча отложил имя этого студента в памяти.

Е Сяолянь посмотрела туда, куда он смотрел, и решила, что он начинает колебаться. Она повернулась к учителям и студентам, и закричала: «Святая Дева дала указ, что ученицы Храма Южного Ручья должны убедиться в безопасности Директора Чэня! Если присутствуют малодушные и трусливые, просто уйдите через задние врата. Перестаньте нести нонсенс, или не вините храмовый меч за безжалостность!»

Сын торговца Дороги Хэнань вмиг изменился в лице, услышав эту угрозу. Он был очень зол, но не смел говорить больше, выйдя из толпы.

Вскоре после этого около десяти студентов Ортодоксальной Академии и несколько лекторов покинули толпу, проделывая путь к черным вратам.

Видя это зрелище, оставшиеся начали выкрикивать ругательства. Увидев взгляды учениц Храма Южного Ручья, они почувствовали себя полностью пристыженными и усилили свои оскорбления.

Су Моюй ничего не говорил, он только молча подметил имена людей, которые остались.

В этот момент Е Сяолянь поняла, что его молчание не указывало на то, что он колебался. Она немного растерянно спросила: «О чем ты думаешь?»

Су Моюй спокойно объяснил: «Я думал, что, если мы сможем сохранить Ортодоксальную Академию, какой метод использовать, чтобы наказать этих людей?»

Е Сяолянь опешила, думая, когда это Су Моюй из Академии Дворца Ли, который был известен за поддержание вежливости и отчуждение, изменился в характере?

Он не сказала это, но Су Моюй знал, о чем она думала. Он смотрел на прекрасный осенний пейзаж Ортодоксальной Академии с взглядом ностальгии на лице: «Это интересное место. Каждый, кто останется здесь надолго, изменится в некоторой степени».

Если эту интересную Ортодоксальную Академию можно будет сохранить, это, естественно, будет превосходным. Но ‘если’ всегда было самым ненадежным из слов.

Иначе почему бы он уже начинал испытывать грусть, начинал погружаться в воспоминания?

.....

.....

Аллея Сотни Цветений уже была очищена. Здания вдоль аллеи даже были раздвинуты, оставив только чайный домик.

В постепенно поднимающейся пыли этот чайный домик, который наблюдал за десятками выставочных матчей, казался очень одиноким. С другой стороны, фигуры нескольких сотен черных всадников были такими же пугающими.

Врата Ортодоксальной Академии все еще были крепко закрыты.

«Действительно быть настолько дерзкими, действительно достойно Ортодоксальной Академии, построенной Директором Шаном, достойно младшего брата Его Величества».

Евнух Линь внезапно начал смеяться, его улыбка была наполнена эмоциями.

Голос пожилого мужчины был весьма мутным, немного мягким. Кроме тех сопровождающих лиц, близких к нему, никто не мог слышать его.

Однако, его следующие слова были услышаны всеми присутствующими.

Евнух Линь посмотрел на крепко закрытые врата Ортодоксальной Академии, и его улыбка исчезла, пока он медленно говорил: «Директор Чэнь - одинокий человек, но профессора и студенты Ортодоксальной Академии... у них есть семьи».

С этим утверждением из Ортодоксальной Академии наконец-то раздался шум, и на улице аналогично возникло беспокойство.

Бесчисленные взгляды повернулись к пожилому Евнуху Печати.

Лицо Тяньхай Шэнсюэ побледнело еще больше.

Он абсолютно не ожидал, что этот Евнух Линь вовсе не соответствовал своей честной и непоколебимой репутации, что он в действительности использовал такие твердые и подлые методы!

.....

.....

Они не знали, ослышались ли они.

Казалось, что из глубин Ортодоксальной Академии пришел голос.

Затем парадные врата Ортодоксальной Академии, которые оставались закрытыми три дня и ночи, наконец-то начали медленно открываться.

Холодное и сильное сияние меча наступало на людей снаружи, и появилось около двухсот учителей и студентов Ортодоксальной Академии.

Они явно не смогли бы сравниться с войсками, но поддерживали плотный массив и ждали.

При этом зрелище Принц Графства Хэ и черная кавалерия скрытно прореагировали.

Евнух Линь был очень спокойным. Даже казалось, что он давал впечатление, как будто был доволен этой демонстрацией.

Су Моюй не спал эти последние три дня и был истощен, но его глаза и голос оставались ясными.

Стоя на каменных ступеньках, он посмотрел на Евнуха Линя и сказал: «Требуется только один человек, чтобы провозгласить указ».

Прибыл имперский указ, но Ортодоксальная Академия не раскрыла свои врата широко, не выложила благовония и не поклонилась на земле. Вместо этого они даже зашли так далеко, что позволяли только Евнуху Линю входить. Это отношение все еще было невероятно неуважительным.

Евнух Линь не разозлился. Он сказал, улыбаясь: «Если бы мне требовалось убить его, одного указа и меня было бы достаточно».

Говоря это, он вошел в Ортодоксальную Академию. Он прошел мимо Су Моюй, легонько похлопав его по плечу.

Выражение лица Е Сяолянь внезапно стало холодным, а ее рука, сжимающая меч, усилила хватку.

Ничего не произошло.

Су Моюй не стошнило кровью и он не упал замертво.

Евнух Линь только хотел передать Су Моюй восхищение и уважение, которые он чувствовал к нему.

В этом великом мероприятии Уцюн Би и Бе Янхун, эти два эксперта Божественного Домена, особенно второй, оказали экстраординарную помощь.

Су Моюй был племянником Бе Янхуна, но он оставался в Ортодоксальной Академии после события и не уходил. В глазах обычных людей это было очень плохо, но для Евнуха Линя, который строил из себя дурака всю свою жизнь, это было действительно выдающимся поступком.

.....

.....

Дверь библиотеки была распахнута. Солнечный свет падал на глянцевый черный пол, который был настолько сияющим, что можно было видеть свое отражение.

Чэнь Чаншэн сидел у окна. Он не выглядывал из окна на осенние зрелища. Его голова была опущена, и он, казалось, думал о чем-то.

Евнух Линь тихо смотрел на него, смотрел на него в течение очень долгого времени.

Чэнь Чаншэн не двигался, не говорил. Его голова оставалась опущенной.

Евнух Линь внезапно осознал, что он смотрел на свое отражение в полу.

Чэнь Чаншэн смотрел на себя.

http://tl.rulate.ru/book/1222/191302